

КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ («СИНТУРЫ») ЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ¹

Нестеров А.Ю.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
социально-гуманитарный институт, исполнительный директор

В статье обсуждается концепция синтуры, искусственной культуры, сформулированная С. Лемом в романе «Осмотр на месте». На фоне диалектики искусственного и естественного, техники и культуры, моделей искусственной природы интерпретируется ряд тем романа, раскрываются показанные Лемом в виде художественного конфликта ошибки в моделях проектирования искусственной культуры. Лейтмотив рассуждения – нарушение «техничко-гуманитарного баланса», несоответствие обеспечивающих выживание индивида навыков и объективных условий жизни в искусственной среде как глобальная проблема техноэволюции.

Ключевые слова: Лем, синтура, этикосфера, искусственная культура, философия культуры, Осмотр на месте, Сумма технологий, Философия случая, техноэволюция.

THE CONCEPT OF ARTIFICIAL CULTURE ("SYNTURE") OF S. LEM IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY AND THE PHILOSOPHY OF CULTURE

Nesterov A.Yu.

Samara University,
Institute of Social Sciences and Humanities, Executive Director

The article discusses the concept of sintura, artificial culture, formulated by S. Lem in the novel "Observation on the Spot". Against the background of the dialectic of the artificial and the natural, technology and culture, models of artificial nature, a number of themes of the novel are interpreted, the errors shown by Lem in the form of an artistic conflict in the models of designing artificial culture are revealed. The leitmotif of the reasoning is the violation of the "technical and humanitarian balance", the discrepancy between the skills ensuring the survival of the individual and the objective living conditions in the artificial environment as a global problem of technoevolution.

Keywords: Lem, sintura, ethicosphere, artificial culture, philosophy of culture, Observation on the Spot, Sum of technology, Philosophy of chance, technoevolution.

Одна из традиционных тем философии техники и теории культуры – соотношение природы и культуры. С. Лем посвятил ей большую часть «Суммы технологии», ряд глав в «Философии случая», несколько художественных текстов. В «Осмотре на месте» он вводит понятие «синтуры», синтетической искусственной культуры. Насколько можно судить из 2020 года, эта идея оказалась чрезвычайно востребованной: к разным версиям искусственной предустановленной гармонии обращаются в последнее десятилетие создатели не только ИИ, но и реализуемых на практике социально-инженерных проектов. В настоящем рассуждении я хотел бы в терминах Лема еще раз вернуться к классической оппозиции естественного и искусственного, показать эту диалектику как синтез новых

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

форм искусственной природы и сформулировать конфликты, проблемы, неснимаемые противоречия и вызовы, показанные Лемом в сложноорганизованной рамке фикционального суждения.

Естественное и искусственное

Исторически понятие природы формируется не так давно. Новое время, перенимающее у христианства оппозицию нетварного и тварного, создаёт модель измерительного эксперимента или разумного вопрошания природы. «Природа» появляется как новый собеседник в автокоммуникативном диалоге западного человека, как некто, способный дать неожиданный ответ на правильно заданный вопрос. Сам человек осознаёт себя в качестве самостоятельного субъекта, наделённого свободой мысли и воли, лишь как партнёр природы в этом диалоге, понимая, что «разум и мир не полностью сводимы друг к другу» [3, с. 208]. Упорядоченная, правилосообразная реальность, развивающаяся по своим законам, с одной стороны, и самосознающий человеческий разум, с другой, – это стороны естественнонаучного диалога, как он сформировался к XVIII веку и как он существует по сей день: «Ни Космос не был создан для нас, ни мы для него. Мы – побочный продукт звёздной эволюции, а такую продукцию Вселенная производила и производит в огромном количестве» [1, с. 119]. Среда и инструмент этого диалога – наука и техника, создаваемые разумом, мышлением и руками человека.

Разум – «гомеостатический регулятор второй ступени, способный противостоять возмущениям среды, в которой он существует, посредством действий, опирающихся на исторически приобретённое знание» [1, с. 121]. Диалог с природой позволяет извлекать знание и технически применять его для преобразования среды. Собственно техническое знание у Лема характеризуется как знание, состоящее из большего количества информации, нежели научное: «Чтобы “соорудить” звезду или эволюцию, нужно... знать гораздо больше, чем для того, чтобы создать научную теорию для каждого из этих объектов... производственный рецепт означает более высокий уровень овладения материальным явлением, чем научная теория» [1, с. 416]. Цель диалога – обеспечение выживания человечества как вида, связанное с достижением превосходства над природой: «Нашим критерием является прогресс или, скорее, возможность прогресса. Под последней мы понимаем выход на материальную арену таких гомеостатических решений, которые не только могут сохраняться наперекор внутренним и внешним помехам, но могут также и развиваться, то есть увеличивать область гомеостаза. Совершенство этих систем – не только в их адаптации к данному состоянию среды, но и в их способности к изменениям [1, с. 479].

Природа как естественное осуществляет себя в виде законов природы, включая механизмы эволюции. Искусственное – это продукты, созданные человеком на основании знания о естественном. Мир природы – это сумма продуктов, реализованных в виде доступной органам чувств среды обитания без непосредственного участия преобразующей деятельности человека. Мир искусственного, или жизненный мир человеческого вида, пока «в значительной степени тождественен миру Природы с некоторыми нашими “переделками”... мы сами являемся исключительным (или почти исключительным) следствием естественных процессов (биоэволюции)» [1, с. 259]. Тем не менее, «мы можем стереть разницу между “искусственным” и “естественным”, – это произойдёт тогда, когда “искусственное” станет сначала неотличимым от естественного, а затем превзойдёт его... А как понимать превосходство? Оно означает реализацию с помощью Природы того, что для Природы невозможно» [1, с. 255-256].

В рамках текущих положений дел разница между искусственным и естественным объектами по-прежнему описывается классической платонистской моделью, сформулированной Ф. Дессауэром. Отличие механического воробья от живого – в количестве знания о воробье, в том, что у естественного существование предшествует его

сущности, а у искусственного, наоборот, сущность предшествует его существованию. Прогресс, расширяющий сферу искусственного, есть в целом прогресс познания.

Нюанс в том, что прогресс у Лема двояк и как таковой к познавательным процессам несводим. С одной стороны, это биоэволюция, прогресс естественной природы, создающей те или иные исторически случайные явления. Признать биоэволюционный механизм эволюции познанием можно лишь с позиции абсолютного идеализма как ситуацию самопознания абсолютной идеи в смысле Гегеля. Лем, насколько я могу судить, именно такого рода признания старается избежать, вводя и обосновывая вероятностную модель глобальной естественной эволюции. С другой стороны, прогресс – это техноэволюция, развитие искусственной природы, элиминирующее случайность из процесса возникновения нового. Техноэволюция – это классическое сочетание познания и деятельности, полностью представимое в терминах гносеологии и праксиологии. «Природа» раскрывается как реальность, набор объективно существующих правил и как своего рода вероятностный актор исполнения объективных правил, создающий «естественную» историю; «Разум» раскрывается как случайно созданный природой инструмент уменьшения неопределённости, системно исполняющий известные ему правила реальности для достижения собственных целей и создающий искусственную историю или историю культуры.

Техника и культура

Диалектика «природного» и «искусственного» понятна даже интуитивно, однако этого нельзя утверждать о соотношении техники и культуры. Техника есть действие, изменяющее среду обитания, исполнение желаний на основании знания о законах природы. Культура – сумма осознаваемых и неосознаваемых навыков выживания или регулирования гомеостаза между средой обитания и человеческим видом. Культура есть «гомеостатическое целое, которое инструментальной деятельностью стремится удержать своё бытие в равновесии со средой» [1, с. 541]; «стратегия разумных существ, имеющая целью выживание» [2, с. 390]; «культура – это установление, направленное против случайности» [2, с. 375].

Я в целом полагаю, что понятием культуры описывается навык рефлексии, задающий границы действительного на фоне реального, прагматическое правило семиозиса, которое делает возможным искусство, религию и философию в терминах Гегеля или задаёт границы целеполагания в виде конкретного содержания понятий добра, истины, красоты и пользы в терминах П.К. Энгельмейера. В моей интерпретации культура – это следствие естественных процессов саморефлексии и самоорганизации, выступающее основанием в том числе и технического действия. Это традиционный ход, в соответствии с которым техника есть продолжение творчества природы, служащее основанием материальной культуры как суммы артефактов и технологий, созданных человечеством.

Лем акцентирует внимание на том, что культура – это созданная мозгом с течением времени стратегия выживания, которая «делает возможным то, что невозможно биологически: создаёт стратегии одновременно революционные и обратимые, то есть допускающие их пересмотр и преобразование в темпе, недостижимом для наследственного вещества» [2, с. 365]. Способ действия культуры заключается в избыточном доопределении природных процессов, создании пробных онтологий и моделей на их основе: «Культура тоже вовлечена в игру за выживание с Природой, однако не только ведёт эту игру, но сверх того её и интерпретирует, иначе говоря, создаёт для себя её образ» [2, с. 366]. Управление стратегиями осуществляется посредством ценностей, понимаемых в виде «предпочтения некоторых форм поведения» [2, с. 374].

Диссонанс техники и культуры возникает у Лема как своего рода конфликт между «истиной» и «добром»: «...Логика инструментальной деятельности не зависит ни от каких человеческих пожеланий или постановлений, но только от материальной природы мира» [2, с. 379]; «...Согласие на технизацию быта есть отчасти согласие на утрату автономии

культуры, поскольку допускает к участию в жизненно важных решениях имманентную логику технического прогресса, не относящуюся *sensu stricto* к культуре» [2, с. 382].

Собственно технический прогресс создаёт новые искусственные среды обитания человека, а «прогрессивное движение культуры – это <...> избирательное принятие традиции, передаваемой от поколения к поколению, и умножение новшеств в областях мотивации, в коллективном целеполагании и в нормах планетарного сосуществования» [2, с. 383]. Я думаю, приведенные цитаты показывают, что Лем на уровне теории стремится жёстко развести сумму навыков, необходимых для выживания в той или иной среде, и парадигмальные правила построения этой среды. Конфликт между собственно культурой и собственно техникой возникает как несовпадение необходимых для выживания особи и вида навыков деятельности и правил объективно существующих, в том числе и созданных человеком, сред жизни. Он представим в терминах противопоставления прагматического и синтаксического правил рассудка и разума.

Культура как «эффективная и активная память» осуществляет «отбор ценностей» [2, с. 408], создающий формы причинения в социуме: «Высший уровень культуры, образуемый её главными ценностями, для того, собственно, и служит ей, чтобы человеческие поступки не могли превратиться в какую-то смесь обрывков, руководимую случайными стимулами» [2, с. 409]. Создающий новые среды обитания «технологический прогресс – это не просто прогресс культуры, но и фактор, направляющий её в противоположные стороны» [2, с. 432].

Искусственная природа

Лем практически в каждом из своих художественных текстов создаёт ту или иную версию технически изменённой среды обитания человека. В общем случае искусственная природа – это сумма артефактов, замещающая собой естественные природные объекты, предметы и понятия в жизненном мире человека. Первая искусственная природа – это артефакты физической природы, продукты естественных наук; вторая искусственная природа – артефакты рассудочной, логико-грамматической или информационной природы, продукты кибернетики; третья искусственная природа – артефакты интеллектуальной природы, машины, действующие в сферах рефлексии, воображения и целеполагания. Проблема, демонстрируемая Лемом в виде художественного конфликта, заключается в несовпадении уровней культуры и природы: как правило, герой как субъект культуры живёт в ценностных системах первой искусственной природы, а как субъект техники – во второй или даже в третьей искусственной природе. В философии техники и в философии культуры такого рода ситуация характеризуется как нарушение «техническо-гуманитарного баланса», и это базовая характеристика современных нам социальных систем. Фактическая история западной цивилизации знает в качестве создающих культуру этических кодексов, обеспечивающих выживание человека, сохранение и передачу во времени «человеческих» норм поведения, лишь заповеди Ветхого и Нового заветов, или, в другой формулировке, архаическую или мифопоэтическую норму поведения и сменяющие её версии откровения осевого времени. Аксиоматика культуры как транслируемой во времени суммы навыков выживания определена только для естественной и первой искусственной природы. Мы – люди третьего десятилетия XXI века – совершенно не представляем, как себя вести в условиях второй и третьей искусственной природы, созданной машинами по переработке информации, нечеловеческими акторами социальных процессов или искусственными субъектами принятия решений.

Нарушение технико-гуманитарного баланса – это глубочайшая проблема современности. Неопределённость как знание о незнании должных норм поведения, иерархий ценностей, перечня прагматических навыков создаёт вызов как для технического прогресса, так и для культуры. Лем состояние неопределённости фиксирует в понятии «стохастичность» и формулирует три проявления стохастичности в культуре:

1) «культура как деструкция культуры – иными словами, усмотрение ценностей через их уничтожение» [2, с. 413], 2) «культура как бегство от культуры» [2, с. 423], 3) «коммерческий отбор в культуре, или шизофрения рынка» [2, с. 427]. «Если приращения культуры происходят случайным образом, если ценности признаются только на какой-то момент, а их появлением и закатом правит случайность, то культура превращается в какую-то колеблемую кашеобразную массу, лишённую способности формировать и интегрировать человеческое поведение» [2, с. 433].

Преодоление случайности или снятие возникающей вследствие НТП неопределённости культуры возможно, насколько я могу судить, либо за счёт нового откровения, либо за счёт технического прогресса. Оба пути исследованы Лемом. Первый выражен в молчании Соляриса, в концепции «ущербного бога». Чуда откровения не происходит. Во всяком случае, такого чуда, которое человек мог бы распознать в качестве чуда в рамках располагаемых им навыков познания и технического действия. Второй путь выражен в управлении техническими средствами состояниями сознания и поведением человека через техническое воссоздание структур «трансцендентального субъекта», «предустановленной гармонии» и искусственной культуры – «синтуры».

Искусственная культура

Эксперименты с управлением содержанием чувственного восприятия и памятью, реализованным через аппарат обоняния, Лем собирает в «Футурологическом конгрессе». Одна и та же реальность разворачивается в разных по своему технологическому уровню действительностях в зависимости от вдыхаемого Ийоном Тихим препарата. Изменение структуры воспринимаемых явлений, своего рода технологический регресс или путешествие по мирам ушедших технологий, переживаемые героем, не подразумевают, тем не менее, изменений в структурах его рассудка и разума; в этой повести проблематизирован конфликт между традиционными формами познания и технически новой средой, предлагающей неожиданные способы или пути познания.

В «Осмотре на месте», выстроив многоуровневую фикциональную рамку произведения, достойную десятка литературоведческих диссертаций, Лем излагает идеи «синтуры», искусственной культуры, созданной «шустрами», «логическими элементами, невидимыми невооружённым глазом, потому что размером они сравнимы с большими молекулами» [3, с. 175].

Шустры – изначально оружие, разработанное учёными Люзании для уничтожения среды обитания противника и успешно справившееся со своей задачей. Аналогичный проект противника – «Ка-Ундрий». Шустры – «что-то вроде чрезвычайно обострённых недремлющих инстинктов, встроенных в окружающую среду» [3, с. 303]. Шустроника – наука о создании шустров и управлении ими – это «молекулярный экстракт разума, перемещённый из головы в окружающую среду и тысячекратно усиленный по дороге, разум, который ведёт себя точно так же, как пшеничное поле или сперматозоиды» [3, с. 179]. Шустретика – наука об осуществлении этических принципов в искусственной среде шустроники – это «не обучение шустров началам этики, но искусство воплощения этики в физике [...]. В обгороженной среде обитания нельзя никого ни к чему принудить, так же, как нельзя принудить электроны перестать кружить вокруг атомных ядер. В ней всё живое неуничтожимо, как неуничтожимы материя и энергия [...]. Шустры не вникают (да и не смогли бы вникнуть) в твоё душевное состояние, а лишь устанавливают, не стеснена ли свобода твоих движений» [3, с. 320-321].

Шустры замещают собой естественную среду обитания, включая и её обитателей, они создают собственно «эतिकосферу», или «синтуру»: «Благосклонная и смышлёная среда обитания должна <...> стать закройщиком материи бытия, перекраивая её, чтобы каждый получил условия существования, наиболее для него подходящие <...> Пусть это будет игра, или ,скорее, система из множества игр, предлагаемых средой обитания своим подопечным, но игра без апелляций к судьбе и без антрактов, смертельно серьёзная, а не

условная, как забава» [3, с. 245]; «Этифицированная среда не только поглощает антиобщественные поступки, но и действует с профилактическим упреждением, благодаря неусыпной заботе о гражданах наяву, а также всеобщей соноскопии (спектроскопия снов для устранения кошмаров и бредовых видений)» [3, с. 146]; «Законы Природы – это прежде всего запреты... Мы вмонтировали в окружающую нас Природу еще один запрет – охраняющий жизнь» [3, с. 305].

Искусственная среда, рисуемая Лемом, включает в себя принципы, не допускающие злодеяния, понимаемого в качестве нарушения границ свободы личности, причинения ей физического (именно физического) вреда. «В Люзании соответствующие “инженеры” соорудили в параллель обычному тяготению планеты и обычному росту энтропии, одним словом, непреодолимым Законам Природы – Непреодолимые Законы Этики как запрограммированный “минимум общественной безопасности”» [3, с. 503-504]. Этикосфера «есть безличное опекунство, а не опекун. Она есть система невидимых барьеров, и она вездесуща, как гравитация» [2, с. 509], так что «фильтром агрессии является всё окружение» [3, с. 298]. «Среда обитания должна исполнять индивидуальные требования, пока они совместимы с благом других лиц» [3, с. 335]

В общем случае развитие техники влечёт усложнение социальной структуры, появление новых форм человеческого общежития и в конечном счёте создаёт новые формы культуры как новые навыки выживания и соответствующие им нормы инициации индивида в изменяющихся условиях искусственной среды. Эксперимент Лема с синтурой показывает ситуацию, – и в этом заключается неснимаемая ирония, составляющая одну из фабул романа, в которой развитие техники не влечёт трансформации индивидуальных потребностей, индивидуальной тяги к причинению страданий или зла ближнему: «Вам пришлось переделать мир, потому что вы не хотели или не могли взяться за переделку самих себя» [3, с. 322]. Нежелание или неспособность изменять личностные навыки выживания, выигрывать в войне с самим собой, то есть осуществлять естественную процедуру взросления или социализации, – это тот пафос, который сопровождает все рассуждения об умудрении среды, трансгуманистических успехах и в конечном итоге создаёт базисный этический конфликт романа.

«Синтура умудряет среду обитания, чтобы та неустанно пеклась о благе граждан...» [3, с. 144]; «Синтура была создана для протезирования естественной культуры» [3, с. 177]; «Этикосфера – среда обитания, облагороженная научными методами» [3, с. 216]. Умудрённый протез культуры тем не менее вышел из-под контроля. Об этом Ийон Тихий узнаёт в завершении текста, обсуждая вопросы управления шустросферой. Новый уровень техноэволюции, превосходящий естественную биоэволюцию, выводит на новый уровень рисков, заключающихся в собственном смысле в том, что развитие перестаёт быть управляемым, то есть не может быть далее описано в терминах человеческого познания и деятельности. «Следует взобраться на новый, более высокий уровень техноэволюции, похитить у Природы сокровище, завладеть которым труднее всего, – скрытое в субатомных явлениях. У нас этому служит синтез новых твёрдых тел и новые методы контроля над ними, то есть шустры. Таковы два столпа нашей цивилизации, которые мы называем этикосферой... Спасительным поворотом становится создание глобальной системы знаний, доступных без всяких ограничений, – но уже не живым существам. Ни одно из них не справится с этой громадой. Любая из отдельно взятых пылинок, какими являются шустры, ничуть не универсальна, зато универсальны все они, вместе взятые» [3, с. 306]. «Дело в том, что мы не знаем, останется ли оно [управление шустросферой – А.Н.] под нашим контролем! [...] Мы идём в будущее, ещё более неизвестное, чем естественное, и именно это нас беспокоит, а не тягостность облагораживающих запретов» [3, с. 330].

Итак, базисный этический конфликт, вызываемый этикосферой, заключается в нежелании и неспособности личности изменять навыки своей деятельности, то есть индивидуальную культуру. Это проблема благоденствия, которую Лем разработал с

существенно большей глубиной, нежели известные мне классики НФ. «Настоящие проблемы возникают перед философией лишь тогда, когда благоденствие приобретает устрашающие размеры» [3, с. 244]. «Благоденствие оглушает, оно порождает насилие, вытекающее из отчаяния, – на смену убожества нищеты выходит убожество разнузданности» [3, с. 316]. Я считаю эту проблему псевдопроблемой или весьма произвольным умозрительным экспериментом, если переносить её из искусственных художественных миров на сферу действительных положений дел в философии техники и философии культуры. Вряд ли можно представить себе действительный мир, в котором прагматические правила рассудка и разума не трансформируются под воздействием техногенных изменений в среде материальной культуры. Неравномерность такой трансформации, разрыв технико-гуманитарного баланса, действительно является проблемой, требующей идеологического или хотя бы педагогического управления, однако её полное отсутствие подразумевало бы весьма скорую гибель подобного социума. Видимо, с этим обстоятельством связана скрытая любовь люзанцев к неосущественной жизни Курдландии. В целом же в материальном плане благоденствие – это нарушение закона сохранения энергии, в мировоззренческом – неспособность представить себе искусственную среду вне фона естественной природы.

В качестве наиболее значимого конфликта, вызываемого этикосферой, я бы назвал эпистемический конфликт или ситуацию технологической сингулярности, если использовать термин В. Винджа, в которую попали жители Люзании. «На любой обитаемой планете возникает множество культур, и побеждает та, что первой овладеет материальной мощью и универсальной идеей» [3, с. 315]. Вполне очевидно, что победившей на планете культурой является синтура. Именно в ней разворачиваются новые процессы техноэволюции и выстраивается новый виток диалога с природой. Лем сообщает об этом в иронической форме: «В то время как на Земле субъектом, или попросту философом, всегда является человек, на Энциии философствуют также машины и даже облачность, поскольку некоторые разновидности шустров, уносимые ветром, соединяются на границе тропосферы в необычайно разумные тучки-погремучки и умудренные облака, которые, не имея других занятий, рассуждают о смысле бытия» [3, с. 243-244]. Лорд Рассел констатирует, что «от философии нельзя убежать. Это попросту невозможно... Пока существует жизнь, существует и философия» [3, с. 251]. Но в этой констатации не конкретизируется субъект философствования. Я думаю, что картина конфликтов люзанской и курдландской цивилизаций описывает своего рода зоопарк, в котором синтура поддерживает естественную жизнь низших существ, подобно тому, как мы поддерживаем естественную жизнь попугая в клетке. В этом плане трюизмы вроде «как жабры у рыбы нельзя объяснить без воды, так и понятие нельзя объяснить вне культуры, которая его породила» [3, с. 317] приобретают характер эпической иронии: создатели синтуры уничтожили создателей Ка-Ундрия, однако сами – эпистемически и праксиологически – оказались в ситуации «рыбок в аквариуме», не столь тонко описанной Р.А. Хайнлайном. На возможность такого рода интерпретации указывает термин в словаре, завершающем роман: «Скварка порог – порог умудрения среды обитания, по преодолении которого она становится умнее обитающих в ней разумных существ» [3, с. 350].

Оба пути преодоления возникающей вследствие техноэволюции неопределённости приводят Лема к одинаковой, если смотреть с точки зрения теории познания, ситуации. И ожидание нового откровения, и попытки разума сконструировать искусственную культуру заставляют человека вернуться к диалогу с самим собой, к анализу возможного и действительного культуры и техники в различных исторических срезам, к попытке разделить сон и явь. Это общий момент художественного языка второй половины XX века, характерный для подавляющего большинства авторов как большой литературы, так и НФ, который можно выразить формулой «принуждение читателя к рефлексии».

Выводы

Рассуждение Лема о синтуре позволяет выявить ряд базовых ошибок в проектировании искусственной культуры, показанных в виде художественного конфликта. Во-первых, сама формулировка «искусственная культура» содержит противоречие в определении: если культура – это навык выживания, то есть осуществление прагматического правила на разумном, рассудочном и чувственном уровнях, то этот навык не может быть искусственным, он должен быть выработан самим человеком, чтобы функционировать в качестве различения среды и системы. Те или иные технические инструменты могут его усилить или ослабить, могут создать или уничтожить материальную возможность его осуществления, однако не могут подменить его собой. Синтура невозможна как культура в собственном смысле слова, она может функционировать лишь как этикосфера, технически воссозданная среда, ограничивающая внешние деятельностные проявления человека, но не навыки, обеспечивающие его деятельность.

Во-вторых, невозможно ограничить рассудочные и разумно-рефлексивные системы познания и творчества посредством управления только физической материей. Опыт, мышление, воображение и целеполагание, служащие основой интуиции, трансформируются в свете новой информации; изменяются горизонты, сдвигаются границы мыслимого и возможного: растворение в среде физических законов принципов этики неизбежно ведёт к изменению способов существования базовых моральных принципов, заповедей или ценностных норм. Представление о благе изменяется соразмерно приближению к благу как условию возможности познания в классическом платоновском смысле. Лем использует «учение о трёх мирах», чтобы продемонстрировать разные версии предустановленной гармонии: «Можно ли представить себе иной мир, нежели наш? Возможны два таких мира. В беспристрастном разрушить было бы столь же легко, как создать, погубить – так же легко, как спасти, убить – так же легко, как оживить. В мире универсально доброжелательном, или благопристрастном, легче было бы спасать, создавать, осчастливливать, чем губить, разрушать и мучить. Таких миров на Этом Свете построить нельзя. Почему? Потому что наш мир не даёт на это согласия» [3, с. 206-207].

И именно эта тема романа представляется мне наиболее значимой в свете соотношения этики и онтологии. Вполне очевидно, что провозглашаемый в «Осмотре на месте» в споре философов голосом адвоката Финкельштейна тезис об абсолютной ценности индивидуальной человеческой жизни, выраженный в заложенном в этикосферу принципе непричинения физического ущерба человеку, вступает в противоречие как с лемовской моделью биоэволюции, где культура является инструментом выживания не индивида, но вида, так и с банальным расширением границ познаваемого вследствие прогресса, поскольку понятно, что этическое – это тоже объект познания. Тема возможных конструкций этики как у Лема, так, например, и у поздних Стругацких, ставится, но не раскрывается, завершаясь схлопыванием в технологической сингулярности или попросту «концом истории» в смысле Гегеля. Это неудовлетворительное положение дел. Я повторю, что прагматические правила деятельности по сей день опираются исключительно на откровение осевого времени, хотя технически человечество уже не менее 60 лет существует в условиях принципиально иной искусственной среды. Проблема этической нормы второй и третьей искусственной природы – наиболее существенная проблема, стоящая перед современным человечеством. Лем её ставит, показывает читателю перечень ошибок в разнородных проектах, но не решает.

В-третьих, недопустимо постулировать тождество человека и его животной природы. Лем во многих местах показывает, что собственно человеческое есть животное, так что, например, обретение искусственными средствами бессмертия есть отказ от человеческой сущности и передача собственной истории существам, отличающимся от человека во всех смыслах, пусть и являющимся продуктом его усилий. Я думаю, что в

этом моменте нужно учитывать, как минимум, два положения дел. Первое – это несостоятельность онтологической доктрины эмпиризма; второе – неприменимость как дарвинистского приспособления к среде, так и марксистского роста противоречий к описанию техноэволюции. Последняя есть продукт не приспособления и не борьбы, но содействия людей в решении глобальных задач, не формулируемых в языке протокольных предложений.

Моё рассуждение построено из цитат Лема. Ему удалось с удивительной точностью сформулировать антропологические и этические проблемы второй искусственной природы, в массовое сознание входящие лишь спустя полвека. Вызов новой этики искусственного интеллекта или норм применения трансгуманистических технологий, вызов бессубъектной объективности всечеловеческих информационных систем, наделяемых возможностями принимать значимые для человеческого социума решения, – уже не темы НФ, но предметы технологического конструирования. Полагаю, что модели и тупики развития, обнаруживаемые лемовскими мысленными экспериментами, заслуживают того, чтобы их обсуждать, моделировать и учитывать в практике действительной целереализации.

Список литературы

1. Лем С. Сумма технологии. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2004. 668 с.
2. Лем С. Философия случая. М.: АСТ, 2007. 767 с.
3. Лем С. Футурологический конгресс. Осмотр на месте. Пьесы о профессоре. Собрание сочинений в 10 тт. Т.8. М.: Текст, 1994. 478 с.

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ СЛУЧАЯ

Огнев А.Н.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва, кафедра философии, доцент

В статье рассматривается понятие случайности и его место в проблемных диспозициях онтологии и теории познания. Исследуется категориальный профиль «случая» и его эвентуальные функции в прецедентном, инцидентном и диспозитивном мировоззренческом консенсусе. Особое внимание уделяется понятию случайности в контексте сюжетообразования на основе регулярных фабульных конструктов в научно-фантастической литературе на примере творчества С. Лема. Показывается диалектический смыслотворческий аспект случайности и его взаимодействие с различными формами детерминизма.

Ключевые слова: онтогносеология, случай, казуистика, реальность, действительность, идеализация, фантазм, идентифицирующее состояние, истинная середина, окказионализм.

ONTOGNOSEOLOGICAL ASPECTS OF THE PHILOSOPHY OF CASE

Ognev A.N.

Samara University, Department of Philosophy, Associate Professor

The article examines the concept of randomness and its place in the problematic dispositions of ontology and the theory of knowledge. The categorical profile of the “case” and